
Вопросы теории и истории государства и права

Научная статья

Научная специальность

5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»

5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

УДК 342.7

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2026.3.3>

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ОБОРОТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© Воротилина Т. В.¹, Газета В. В.^{2,3}, 2026

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

² ООО «Академэксперт», г. Москва, Россия

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Отмечается, что в условиях цифровизации и масштабного обмена персональными данными между гражданами и компаниями обостряется противоречие между конституционной гарантией на неприкосновенность частной жизни и гражданско-правовым оборотом персональных данных. Предлагается авторское определение частной жизни, сформулированное с учетом двух подходов: широкого (с анализом индивидуальных, территориальных и этнических факторов) и узкого (рационального, позволяющего выявить устойчивые признаки). Выявлено, что гражданско-правовое регулирование сужает объект защиты по сравнению с конституционным подходом, а институт согласия утрачивает осознанный характер, что даже в отношении сформулированного определения частной жизни ведет к нарушению права на ее неприкосновенность. На основе анализа правовых коллизий, включая практику Конституционного Суда РФ, доказываем, что для их разрешения требуется системный инструментарий, выходящий за рамки отраслевого регулирования, это обосновывается сложившимся механизмом оборота персональных данных. Представлена двухуровневая система критериев допустимости вмешательства в частную жизнь при обороте персональных данных, включающая общие критерии (законность, целевая направленность, уважение человеческого достоинства) и специальные (информированное и добросовестное согласие, соразмерность, защита интересов уязвимой стороны, прозрачность алгоритмической обработки). Сделан вывод, что предложенная система позволяет обеспечить баланс конституционных прав и интересов участников гражданского оборота, может служить ориентиром для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты персональных данных, а также адаптировать правовое регулирование в условиях масштабного обмена данными.

Ключевые слова: частная жизнь, право на неприкосновенность частной жизни, персональные данные, гражданско-правовой оборот, критерии вмешательства, цифровая неприкосновенность.

PROBLEMS OF THE CORRELATION BETWEEN THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO PRIVACY AND THE CIVIL LAW TREATMENT OF PERSONAL DATA: THEORETICAL ASPECTS

© Vorotilina T. V.¹, Gazeta V. V.^{2,3}, 2026

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

² LLC "Academexpert", Moscow, Russian Federation

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

In the context of digitalization and large-scale exchange of personal data between citizens and companies, the contradiction between the constitutional guarantee of the inviolability of private life and the civil-law circulation of personal data is becoming increasingly acute. The study is based on the author's own definition of private life, formulated taking into account two approaches: a broad one (involving the analysis of individual, territorial, and ethnic factors) and a

narrow one (a rational approach that allows the identification of stable features). It has been established that civil-law regulation narrows the object of protection compared to the constitutional approach, while the institution of consent loses its conscious character. This leads to a violation of the right to the inviolability of private life – even in relation to the formulated definition of private life. Based on the analysis of legal collisions, including the case law of the Constitutional Court of the Russian Federation, it is substantiated that resolving these conflicts requires a systemic set of tools that goes beyond sectoral regulation. This necessity is justified by the existing mechanism of personal data circulation. A two-level system of criteria for the admissibility of interference with private life in the course of personal data circulation has been developed. It includes general criteria (lawfulness, legitimate purpose, respect for human dignity) and special criteria (informed and good-faith consent, proportionality, protection of «weak» interests, and transparency of algorithmic processing). It is concluded that the proposed system makes it possible to ensure a balance between constitutional rights and the interests of participants in civil circulation. It can serve as a guideline for improving legislation and law enforcement practice in the field of personal data protection, as well as for adapting legal regulation to the conditions of large-scale data exchange.

Keywords: private life, right to the inviolability of private life, personal data, civil-law circulation (civil turnover) of personal data, criteria of interference, digital inviolability.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется явной и динамичной цифровизацией, в условиях проникновения ее во все сферы жизни она затрагивает и частную жизнь людей. Масштабный обмен персональными данными, использование алгоритмов для их обработки стали частью реальности, в условиях которой персональная информация становится ценным ресурсом, ее сбор и обработка осуществляются часто на основе формального согласия, без осознания носителем прав последствий своих действий. Следовательно, обостряется противоречие между конституционным правом на неприкосновенность частной жизни, закрепленным в ст. 23 и 24 Конституции РФ¹, и гражданско-правовым оборотом персональных данных, который, несмотря на формальную урегулированность, допускает риски утраты контроля информации о себе. Это противоречие порождает коллизии, которые требуют научного осмысления и выработки четких ориентиров для законодателя и правоприменителя.

В научной среде имеется дискуссия по основным понятиям, что связано с отсутствием законодательного закрепления. Наиболее важным для исследования является понятие права на неприкосновенность частной жизни, которое состоит из многих других элементов, являющихся не менее неоднозначными понятиями.

Материалы и методы исследования

В исследовании использовались всеобщие, общенаучные и частнонаучные методы. Диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, методы индукции и дедукции

применялись для анализа содержания понятий «частная жизнь», «личная жизнь», «персональные данные». Эмпирическую базу сформировали нормативные правовые акты России, а также отечественная правовая доктрина.

Результаты исследования

Рассматривая право на неприкосновенность частной жизни, стоит выделить, что это сложное по своему содержанию понятие, которое необходимо изучать поэтапно. Основываясь на методе индукции, с последующим сравнением получившегося понятия с другими интерпретациями, следует разобрать понятие «частная жизнь». Есть множество подходов к частной жизни, с одной стороны, ее рассматривают как сферу жизнедеятельности, которая находится вне государственного и публичного контроля [14; с. 63–64]. С другой стороны – это более сложное понятие, так как при подходе к рассмотрению необходимо учитывать такие факторы, как правовая система, в которой находится личность. Также частная жизнь связана с индивидуальностью, которая по-разному воспринимается на Западе и на Востоке; несмотря на общий менталитет и этнические факторы, у каждого человека есть свое понимание данного термина – индивидуальное содержание частной жизни [3, с. 37; 1, с. 14].

В целях настоящего исследования разделим трактовку частной жизни на два подхода: в первом будет учитываться частная жизнь как совокупность целого ряда факторов (индивидуальное понимание, территориальные и этнические особенности, история понятия); во втором «частная жизнь» исследуется как наиболее рациональная категория. Следовательно, не отвергая всю содержательность и сложность, но учитывая задачи, особенности граждан-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голос. 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) : офиц. текст. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 07.03.2026).

ско-правовой квалификации, целесообразно обозначить определение частной жизни, которое в рамках второго подхода станет ясным фундаментом в основе данного исследования. Основываясь на мнении таких авторов, как И. А. Манкевич, П. Ю. Поздникова, Ю. В. Пискунова, можно выделить основные признаки категории частная жизнь (автономность и уединение, независимость от внешнего контроля, индивидуальное самоопределение, запрет на вторжение, интимность и добровольность), поэтому под ней далее (в рамках второго подхода) будем понимать следующее: частная жизнь – это совокупность отношений, действий и информации, связанных с человеком, которые он вправе контролировать и ограждать от вмешательства со стороны иных лиц, государства, общества в целом, за исключением случаев, прямо установленных законом [14, с. 63–68].

Однако сущностные характеристики частной жизни нередко отождествляются со смежными понятиями, такими как «личная жизнь» и «семейная жизнь». Частная жизнь и личная жизнь рассматриваются в науке, как минимум, с трех позиций: 1) как тождественные понятия; 2) частная – как составляющая личной; 3) и наоборот. Углубляясь в дискуссию, стоит отметить, что в дефиницию частной жизни включают рассматриваемые понятия. Считаем, что «частная жизнь» является более широким и родовым понятием, охватывающим остальные компоненты, так как, во-первых, это отражается в ст. 23 Конституции РФ (также М. Ю. Авдеев полагает, что частная жизнь более широкое понятие, чем личная жизнь, в ее состав входят личная и семейная тайна [1, с. 14]), во-вторых, тема касается персональных данных, которые связаны со многими аспектами, а они сопряжены с правом на неприкосновенность частной жизни, в-третьих, при анализе судебной практики стоит учитывать, что речь идет не только об отдельных фрагментах, а о феномене частной жизни в целом, в-четвертых, Конституционный Суд РФ (далее по тексту – КС РФ) основывается на широком толковании, отделяет частную жизнь от семейной, что тоже вызывает критику в научной среде [Там же, с. 14; 2, с. 35–36]. Таким образом, уместно использовать соотношение понятий следующим образом: частная жизнь включает в себя личную жизнь, но при этом отграничена от семейной, несмотря на тесную взаимосвязь.

«Неприкосновенность права на частную жизнь» включает в себя не только категорию «частной жизни», но и категорию «неприкосно-

венность». Под неприкосновенностью в толковом словаре Д. Н. Ушакова понимается следующее: «Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом... обеспечивается неприкосновенность личности»¹. Однако такая трактовка была обусловлена историческим контекстом своего времени. Сейчас неприкосновенность рассматривается также как состояние защищенности от всякого посягательства. В этой связи следует разграничивать категории «тайна» и «неприкосновенность», поскольку тайна охватывает более широкий круг сведений, не ограничиваясь только личной и семейной сферой [17, с. 207]. Таким образом, неприкосновенность представляет собой правовой режим, при котором не допускается вмешательство в частную жизнь иными субъектами, за исключением органов государственной власти, действующих в установленных законом случаях.

Отметим также, что под правом в данном исследовании понимается субъективное конституционное право, т. е. мера возможного поведения личности. Право на неприкосновенность характеризуется дополнительными признаками. Оно принадлежит конкретному лицу и содержит такие характеристики, как неотчуждаемость, абсолютность. Неотчуждаемость означает, что лицо обладает правом с момента рождения и не может его передать, подарить и предпринять иные действия по передаче его другому лицу. Абсолютность означает, что лицо может запретить нарушение другим лицам, а также имеет два правомочия: требовать соблюдения права и пользоваться мерами защиты при нарушении [Там же]. Будучи целостной категорией, оно содержит в себе другое понятие – «частная жизнь». Оно появилось в XX в. в США, когда судья Верховного Суда сказал, что оно означает право «быть оставленным в покое» [1, с. 14]. Эти понятия не тождественны, но структурно взаимосвязаны. Право на частную жизнь можно интерпретировать как в широком смысле – комплекс личных, политических и социально-экономических прав, обеспечивающих автономию личности, так и в узком – совокупность конкретных правомочий, вытекающих из этой автономии [14, с. 64]. Право на неприкосновенность частной жизни делает акцент именно на защите как гарантии от неправомерного вторжения, возможности контролировать информацию о себе и требовать устранения

¹ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М. : Дом славян. кн., 2008. 959 с. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>

нарушений. В свою очередь, право на частную жизнь возникает в момент реализации права на жизнь и продолжается после смерти индивида [14, с. 61]. Именно этот нюанс актуализирует вопросы посмертной защиты репутации и персональных данных.

Обратимся к актам КС РФ, так, в определении от 9 июня 2005 г. № 248-О суд разъяснил, что право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку гарантированную государством возможность контролировать информацию о себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера¹. В понятие частной жизни включается область жизнедеятельности человека, которая относится только к нему, не подлежит контролю со стороны общества и государства, как ранее определено в рамках второго подхода. В российской судебной практике данное определение стало базовым, но единого понимания частной жизни не сложилось, это приводит к трудностям с квалификацией нарушений [8, с. 58].

Таким образом, считается, что право на неприкосновенность частной жизни представляет собой конституционную гарантию, интегрирующую в себя общий запрет на вмешательство в частную жизнь и конкретные механизмы контроля и защиты информации о личности. Право обладает динамичным и абсорбирующим характером, позволяет адаптироваться к новым вызовам, где персональные данные составляют информацию, тесно связанную с частной жизнью [2, с. 36].

С точки зрения структуры права право на неприкосновенность частной жизни обладает комплексным характером, объединяя самостоятельные компоненты. К компонентам относятся: защита личной и семейной тайны, тайна коммуникаций (переписка, телефонные переговоры), неприкосновенность жилища и информационная неприкосновенность [9, с. 27–28]. Каждый элемент подкрепляется законодательным регулированием, таким как Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»² (далее – ФЗ № 152-ФЗ), который конкретизирует механизмы обработки и защиты данных, связанных с частной жизнью [Там же, с. 28–29]. Однако единого понимания этого права не сформировалось, что обуславливает необходимость судебной дискреции для разрешения коллизий, особенно в случаях, когда частная

жизнь пересекается с публичными интересами [17, с. 206]. Право не является абсолютным, его пределы определяет законодатель, а государство не вмешивается произвольно в частную жизнь, но защищает общественные интересы [3, с. 39].

Синтезируя вышеизложенное, отметим, что право на неприкосновенность частной жизни – это не статичная категория, а развивающийся институт, служащий ядром и гарантом личных прав, с естественным происхождением и признаками. Понимание права в рамках второго подхода, как совокупности контролируемых отношений и информации, позволяет избежать путаницы со смежными понятиями – «личная жизнь», «семейная жизнь», «институт тайны». Это служит основой для дальнейшего анализа коллизий, связанных с персональными данными и цифровыми технологиями.

Переходя из конституционного в сферу гражданско-правового регулирования, необходимо отметить, что существует гражданско-правовая квалификация персональных данных. Согласно ст. 152.2. Гражданского кодекса РФ³ (далее по тексту – ГК РФ) «не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни». То есть под охраной нормы находятся не все элементы структуры права на неприкосновенность частной жизни, как в конституционном праве [Там же, с. 35]. Гражданско-правовая охрана не нацелена в целом на защиту неприкосновенности жилища, тайну коммуникаций, физическую неприкосновенность частной сферы. Эта особенность сужает объект гражданско-правовой защиты в отличие от конституционного понимания категории. В сравнении с конституционным подходом ст. 23–24 Конституции РФ более широко трактуют частную жизнь, не ограничиваются перечнем, когда гражданско-правовая квалификация устанавливает рамки для оборота, но при этом не охватывает всего объема частной жизни, это создает причины для коллизий. Если говорить про персональные данные как компонент защиты, то их нельзя рассматривать как объект гражданского оборота в классическом понимании, но фактически они выступают объектом гражданских правоотношений, из-за чего их правовой режим требует подхода,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

сочетающего публично-правовые и частноправовые начала [15, с. 59].

Помимо общей нормы в ГК РФ в российском законодательстве необходимо рассмотреть ФЗ № 152-ФЗ, в котором содержится общее понятие персональных данных. Так, п. 1 ст. 3 под ними понимается «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Также ФЗ № 152-ФЗ устанавливает систему принципов и гарантий, которые необходимы для обеспечения реализации конституционного права. К закрепленным в законе принципам будут относиться законность, справедливость, конкретность и другие, закрепленные ст. 5. Проблематика состоит в том, что детальное регулирование еще не обеспечивает соблюдения гарантий защиты, ведь принципы могут подменяться с помощью формальных действий с персональными данными, а в условиях цифровизации это требует не только продуманных процедур, но и этических стандартов (для алгоритмов), чтобы предотвратить подмену защиты на манипуляцию [4, с. 203–215]. Ведь граждане не всегда осознают последствия дачи согласий на их обработку, связано это может быть как с заблуждением насчет возможности полного контроля над информацией о себе, так и с техническими особенностями системы [7, с. 140–141]. Речь идет также и о том, что, несмотря на законодательные требования к согласию на обработку персональных данных по ст. 9 ФЗ № 152-ФЗ, пользователи не читают тексты согласий, не понимают, какой объем и какие права они передают. Возникает так называемый парадокс приватности, когда люди сами готовы отдавать свои личные данные за незначительные бонусы, не читая условий [Там же, с. 139–140]. В результате согласие становится формальной рутинной, что позволяет операторам использовать данные не только для заявленных целей, но и для профилирования, а также передачи третьим лицам [13, с. 392]. Такая практика негативно влияет на реализацию правомерного вмешательства в частную жизнь и противоречит ст. 24 Конституции РФ, хотя формальные принципы закона соблюдаются. Следовательно, необходимо пересмотреть сам институт согласия, который выступает юридическим основанием возникновения оборота персональных данных.

Когда данные попадают в «черные ящики», переводятся в массивы информации, их путь невозможно проследить, пользователь оказывается в слабой позиции в сравнении с платформой,

а алгоритмы содержат в себе потенциал дискриминации, ведь их непрозрачный характер создает угрозу для равенства перед законом, вступая в коллизию с конституционными положениями [Там же, с. 391–402]. В таких условиях обсуждается признание новых прав, а точнее «цифровых прав как отдельного правового направления», например «права на объяснение алгоритма» и «концепции цифрового достоинства личности», которая подразумевает контроль над своим цифровым следом [4, с. 208]. Полагаем, что выявленные особенности в гражданско-правовом регулировании – ограниченное понимание частной жизни, формальность согласия, более четкое закрепление, цифровые риски и т. д. – находятся в противоречии с конституционной моделью права на неприкосновенность частной жизни в практической сфере. В ней же возникали конфликты между конституционным правом на неприкосновенность частной жизни и оборотом персональных данных. Их разрешение закреплено в положениях постановлений КС РФ, оно необходимо для формулировки критериев.

Дело «МедРейтинга» касается обработки персональных данных врача сетевым изданием. В постановлении описывается, как сталкиваются интересы врача, требующего удаления своего профиля с сайта отзывов, и самого сетевого издания, которое основывается на праве граждан на информацию и профессиональную деятельность журналиста. КС РФ оценил конституционность п. 8 ч. 1 ст. 6 ФЗ № 152-ФЗ, признав, что информация, включающая в себя фамилию, имя, образование, квалификацию, не может рассматриваться как сугубо частная, так как по закону она должна быть размещена на сайтах медицинских организаций в публичных интересах. КС РФ сделал акцент на том, что свобода информации не является безграничной, на сетевое издание и любую другую организацию возлагается обязанность по предотвращению злоупотреблений. Отмечается, что редакция обязана не допускать как противоправных высказываний, так и не относящихся к профессиональной деятельности врача, в противном случае должна провести проверку, ограничить доступ или удалить комментарий, предоставив право на ответ врачу. Следовательно, при наличии публичного интереса к персональным данным, их способ обработки и распространения необходимо соотносить с преследуемой общественно значимой целью и степенью вмешательства в частную жизнь, а права субъекта должны быть защищены через предоставление механизмов защиты.

В основе дела Вильке лежало решение родителя установить на телефон сына приложение родительского контроля. Полученные данные родитель предоставил в суд в качестве доказательства, из-за чего на него было возбуждено уголовное дело. КС РФ подтвердил, что право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным, разграничил ситуации по цели действий, так, если сведения, полученные с помощью средства контроля, использовались исключительно для реализации прав и обязанностей родителя по обеспечению безопасности ребенка, то привлечь к уголовной ответственности его невозможно. Из этого следует, что при отсутствии намерения нарушить тайну частной жизни другого лица, поскольку умысел родителя направлен на безопасность ребенка, сбор информации не образует состав преступления, даже при условии систематического получения подобных сведений. Если целью было вторжение в частную жизнь или данные были незаконно распространены, то ответственность наступает. Позиция КС РФ способствует мнению, что вмешательство должно быть соразмерным, оно должно быть необходимым и не выходить за рамки закона, реализация конституционных прав и законных целей обосновывает вмешательство. Полагаем, что защита одних конституционных прав, в данном случае родителя, не нарушает других конституционных прав, т. е. права на неприкосновенность частной жизни.

Рассмотренные постановления КС РФ конкретизируют теоретические и юридические аспекты права на неприкосновенность частной жизни на примере реальных коллизий, разрешая их в сфере гражданского, конституционного и уголовного права. Последнее, несмотря на автономию отраслей, укрепляет единый взгляд на права человека, ведь именно в вопросе прав человека позиции должны совпадать, ведь конституционное право связывает уголовное и гражданское.

Таким образом, можно сформулировать критерии вмешательства в частную жизнь. Это необходимо для того, чтобы разрешить противоречия между конституционным правом на неприкосновенность частной жизни и гражданско-правовым оборотом персональных данных, основываясь на конкретном инструменте – системе критериев вмешательства в частную жизнь. Он может служить ориентиром как для законодателя, так и для правоприменителя. Представляется, что эволюция права

на неприкосновенность частной жизни идет в сторону «позитивного» регулирования: государство защищает частную сферу, устанавливая пределы защиты, и воздерживается от вмешательства в нее [6, с. 57]. В зарубежном опыте наблюдается различие в подходах: в странах континентальной системы право на неприкосновенность закрепляется на конституционном уровне (но не повсеместно), а в странах с англосаксонской системой – прецедентом [5, с. 62]. В связи с этим содержание и применение критериев будут зависеть от конкретной правовой системы. В Российской Федерации общие критерии, вытекающие из конституционных и федеральных положений, будут иметь наибольшую силу.

Правовой инструментарий должен быть для правоприменителя удобен, что предполагает структуру, отвечающую требованиям правовой определенности и учитывающую специфику различных правоотношений. Система критериев вмешательства в частную жизнь состоит из двух уровней: общего и специального (дополнительного).

Общий уровень основывается на конституционном праве, устанавливающем основные принципы для правоприменителя и законодателя. Следовательно, критерии будут вытекать из сути права на неприкосновенность частной жизни. Специальный (дополнительный) уровень основывается на конкретных сферах, например гражданском обороте персональных данных, и включает критерии, которые проявляются в соответствующих сферах и конкретизируются судебной практикой.

Предложенная система основывается на ранее приведенном анализе правового регулирования в двух сферах и коллизий между ними, а также судебной практике. Так, рассмотренные постановления КС РФ конкретизируют теоретические и юридические аспекты права на неприкосновенность частной жизни на реальных примерах, разрешая их в трех сферах права: конституционном, гражданском, уголовном. Анализ позиций КС РФ способствует выявлению основных ориентиров, которыми руководствуется суд при разрешении коллизий, к ним относятся: необходимость баланса конкурирующих прав, соразмерность вмешательства, учет публичного интереса и защита добросовестного поведения. Перечисленные ориентиры могут быть систематизированы в виде общих и специальных критериев допустимости вмешательства в частную жизнь.

Общий уровень составляет следующие критерии: законности, целевой направленности и уважения человеческого достоинства.

Законность – фундаментальный и вытекающий из ст. 23–24 Конституции РФ, ФЗ № ФЗ-152, постановлений КС РФ критерий. Он устанавливает режим, при котором любое вторжение в частную жизнь должно иметь прямое, недвусмысленное правовое обоснование, чтобы оборот персональных данных не приводил к нарушениям прав. ФЗ № 152-ФЗ в ст. 6 устанавливает исчерпывающий перечень случаев, когда обработка персональных данных допускается, данные случаи не должны толковаться двусмысленно. Если основываться на судебной практике, даже публичный интерес обязует операторов действовать по закону и не допускать злоупотреблений.

Целевая направленность регулирует публичный интерес. Критерий закреплен как принцип в вышеприведенном федеральном законе и означает, что оператор не вправе использовать персональные данные для иной, заранее не установленной цели. Он легитимизирует вмешательство и устанавливает его границы, выход за пределы которых приведет к нарушению права.

Уважение человеческого достоинства – этот критерий логично вытекает из природы вопроса и ст. 21 Конституции РФ, подтверждается на практике в постановлениях КС РФ. Право на неприкосновенность частной жизни является одним из ключевых для защиты достоинства, поэтому этот критерий необходимо выделить и проанализировать.

Критерий уважения человеческого достоинства имеет продолжение в цифровой среде, в которой есть необходимость в признании «права на цифровую неприкосновенность», это может привести к формированию нового поколения прав человека, защищающих его в цифровую эпоху [16, с. 13]. Законодательство в России уже содержит систему норм по защите и охране неприкосновенности частной жизни, но эффективность зависит от реализации этих норм, в том числе через деятельность органов, например прокуратуры [9, с. 29]. Таким образом, общие критерии укрепляют и защищают права на неприкосновенность частной жизни, в том числе цифровую неприкосновенность, если нормы надлежаще реализуются и обеспечивается эффективная реализация критериев.

На специальном (дополнительном) уровне расположены следующие критерии: информированного и добросовестного согласия, сораз-

мерности (пропорциональности), защиты интересов уязвимой стороны правоотношений, прозрачности алгоритмической обработки.

Информированное и добросовестное согласие основывается на ст. 9 ФЗ-152 и устанавливает, что согласие должно быть конкретным, информированным и сознательным. Ранее было сказано о том, что есть риск становления его лишь формальным, поэтому действительным согласием может быть только то, которое было получено в результате добросовестных действий оператора, учитывающего интересы владельца данных, следовательно, обработка персональных данных правомерна лишь тогда, когда согласие дано свободно и осознанно.

Критерий соразмерности (пропорциональности) имеет конституционную основу, он вытекает из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права могут ограничиваться в нескольких целях защиты, специальным его делает закрепление в ст. 5 ФЗ № 152-ФЗ, где он раскрывается как принцип, который требует обработки только тех данных, которые необходимы для достижения цели, а сбор избыточной информации недопустим. Критерий используется в судебной практике, в рассмотренных делах оценивали правомерность в соответствии с ним, а также он дополняет общий критерий целевой направленности.

Критерий защиты интересов уязвимой стороны правоотношения предполагает учет неравенства фактического положения сторон. Основывается на конституционных положениях ст. 7, 38, 67.1 Конституции РФ и судебной практике (дело Вильке). Если в правоотношениях задействовано фактически более «слабое» лицо, то баланс смещается в его сторону, к таким лицам будут относиться, например, несовершеннолетние и родители, поэтому данный критерий будет наиболее ярко проявляться в семейно-правовой сфере, а также там, где одна из сторон заведомо находится в уязвимом положении, когда для баланса необходимо отступать от общих принципов. Стоит понимать, что отступление должно быть обоснованным, целесообразным и соразмерным, без умаления прав третьих лиц.

Критерий прозрачности алгоритмической обработки относится конкретно к настоящему исследованию и обусловлен цифровизацией жизни. Она меняет природу оборота персональных данных, когда обработка, сбор и хранение осуществляются преимущественно алгоритмами. Уже был упомянут феномен «черного ящика», из-за которого субъекты не понимают

логику действия алгоритма, прозрачность бы исправила эту проблему. Конкретизация данного критерия будет производиться судами, стоит лишь сказать, что ясность алгоритмической обработки подразумевает обработку персональных данных с использованием автоматизированных систем при условии обеспечения возможности субъектом понимать логику принятия решений, влияющих на его права.

Тем самым конституционно-правовому регулированию частной жизни необходимо развиваться в сторону установления понятных процедурных гарантий (в том числе к прозрачности алгоритмической обработки), включающих судебный контроль за применением автоматизированных систем [12, с. 84]. Возвращаясь к вопросу об эффективности, в сфере оборота персональных данных сочетание правовых с техническими мерами защиты лучше проводить через внедрение современных технологий защиты информации [10, с. 70]. Таким образом, российская правовая система имеет как общие ориентиры, так и конкретные модели защиты прав на примере зарубежных стран; адаптируя их в соответствии со своими особенностями (правовая система, регион, история и т. д.), можно использовать положительный опыт для недопущения коллизий между правом на неприкосновенность частной жизни и оборотом персональных данных [11]. В том числе на основе предложенных критериев, основанных на главных принципах российской правовой системы, предоставляется возможность выработать подход к разрешению противоречий между конституционным правом на неприкосновенность частной жизни и гражданско-правовым оборотом персональных данных.

Заключение

Резюмируя, можно сформулировать несколько выводов. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни является комплексным институтом, включающим запрет на произвольное вмешательство и правомочия, но отсутствие единого доктринального понимания права обуславливает необходимость судебной дискреции в случае появления коллизий. В свою очередь, гражданско-правовое регулирование персональных данных создает подробную систему принципов и гарантий, но в практической плоскости они сталкиваются с непрозрачностью и формальностью действий субъектов, тем самым вступая в коллизию с конституционными правами. Противоречия разре-

шает судебная практика, которая руководствуется критериями, но эти ориентиры не образуют систему. В качестве ответа на выявленную проблему предложена система критериев допустимости вмешательства в частную жизнь при обороте персональных данных. Она включает как общие критерии – законность, целевую направленность, уважение человеческого достоинства, вытекающие из самой природы конституционного права, так и специальные (дополнительные) – информированное и добросовестное согласие, соразмерность (пропорциональность), защиту интересов уязвимой стороны правоотношения, прозрачность алгоритмической обработки, конкретизирующие защиту прав личности в рамках гражданско-правового оборота. Данная система может служить основой для формирования единообразной правоприменительной практики и ориентиром для законодателя. Дальнейшие исследования будут направлены на изменение, адаптацию как основных терминов, так и критериев допустимости вмешательства в частную жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев М. Ю. К вопросу о содержании и значении категории «частная жизнь» в современном конституционном законодательстве // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». 2021. № 4. С. 13–18.
2. Гаджиалиева Н. Ш. К вопросу о содержании конституционного права на неприкосновенность частной жизни // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 34–37. DOI: 10.24411/2312-0444-2021-5-34-37
3. Гаджиалиева Н. Ш., Магомедова З. И. Конституционно-правовая модель права на неприкосновенность частной жизни // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 48, № 4. С. 35–43. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-48-4-35-43
4. Гончаров В. В., Поярков С. Ю., Савченко М. С. Цифровой конституционализм: эволюция правовых принципов в условиях цифровизации современного общества // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 8. С. 203–215. DOI: 10.24158/rep.2025.8.25
5. Еремина И. С. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни: зарубежный опыт правового регулирования // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : сб. ст. по результатам III Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 15 дек. 2023 г. Симферополь : Тип. «Ариал», 2024. С. 58–67.
6. Каменский М. А. Конституционно-правовые пределы защиты частной жизни // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 48–60. DOI: 10.21869/2223-1501-2024-14-3-48-60
7. Канакова А. Е. Парадокс приватности: проблемы обеспечения неприкосновенности частной жизни в сети Интернет // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1 (33). С. 138–146. DOI: 10.21603/2542-1840-2025-9-1-138-146
8. Крылов А. С. Право на неприкосновенность частной жизни в правовых позициях конституционного суда Российской Федерации // Глагол правосудия. 2020. № 2 (24). С. 57–60.
9. Мухаметгалеева Е. В. Право на неприкосновенность частной жизни // Актуальные проблемы права, экономики

бизнеса и управления : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 3 апр. 2023 г. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т экономики и права, 2023. С. 27–31.

10. Семенов Е. Ю., Лысенко Е. С., Графуткин Е. И. Регулирование обработки персональных данных в России: юридические и технические аспекты // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 69–77.

11. Телина Ю. С. Конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных в России и зарубежных странах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2016. 267 с.

12. Фунтикова Ю. В. Конституционно-правовое регулирование защиты частной жизни // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61–10. С. 82–85. DOI: 10.18411/lj-05-2020-224

13. Фаллетти Э. Алгоритмическая дискриминация и защита неприкосновенности частной жизни // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 2. С. 387–420. DOI: 10.21202/jdtl.2023.16

14. Хайруллин Т. В. Понятие и конституционная сущность права на неприкосновенность частной жизни // Вестник Международного юридического института. 2020. № 1(72). С. 59–69.

15. Чернышенко И. Г., Баркова А. В. Гражданско-правовая квалификация персональных данных // Юридические исследования. 2024. № 6. С. 55–69.

16. Четвериков А. О. Право на цифровую неприкосновенность – новое основное право человека? Pro et contra // Юридические исследования. 2024. № 5. С. 8–31.

17. Яковлева А. Г., Сорокина Ю. В. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика // Сборник научных статей. Материалы студенческой межвузовской научно-практической конференции по итогам НИРС за 2022 год. Воронеж, 21 апреля 2023 г. Воронеж : Воронеж. филиал РАНХиГС, 2023. С. 205–209.

REFERENCES

1. Avdeev M.Yu. K voprosu o soderzhanii i znachenii kategorii "chastnaya zhizn" v sovremennom konstitutsionnom zakonodatelstve [On the content and meaning of the category "private life" in modern constitutional legislation]. *Voprosy prava* [Issues of Law], 2021, no. 4, pp. 13–18. (in Russian)

2. Gadzhialieva N.Sh. K voprosu o soderzhanii konstitutsionnogo prava na neprikosnovennost chastnoy zhizni [On the content of the constitutional right to privacy]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [State Service and Personnel], 2021, no. 5, pp. 34–37. DOI: 10.24411/2312-0444-2021-5-34-37 (in Russian)

3. Gadzhialieva N.Sh., Magomedova Z.I. Konstitutsionno-pravovaya model prava na neprikosnovennost chastnoy zhizni [Constitutional and legal model of the right to privacy]. *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Dagestan State University], 2023, vol. 48, no. 4, pp. 35–43. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-48-4-35-43 (in Russian)

4. Goncharov V.V., Poyarkov S.Yu., Savchenko M.S. Tsifrovoy konstitutsionalizm: evolyutsiya pravovykh printsipov v usloviyakh tsifrovizatsii sovremennogo obshchestva [Digital constitutionalism: evolution of legal principles in the context of digitalization of modern society]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2025, no. 8, pp. 203–215. DOI: 10.24158/pep.2025.8.25 (in Russian)

5. Eremina I.S. Konstitutsionnoe pravo na neprikosnovennost chastnoy zhizni: zarubezhnyy opyt pravovogo regulirovaniya [Constitutional right to privacy: foreign experience of legal regulation]. *Okhrana i zashchita prav i zakonnykh interesov v sovremennom prave* [Protection and defense of rights and legitimate interests in modern law]. Collection of articles based on the results of the III International Scientific and Practical Conference, Simferopol, December 15, 2023]. Simferopol, Arial Publ., 2024, pp. 58–67. (in Russian)

6. Kamenskiy M.A. Konstitutsionno-pravovye predely zashchity chastnoy zhizni [Constitutional and legal limits of

privacy protection]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law], 2024, vol. 14, no. 3, pp. 48–60. DOI: 10.21869/2223-1501-2024-14-3-48-60 (in Russian)

7. Kanakova A.E. Paradoks privatnosti: problemy obespecheniya neprikosnovennosti chastnoy zhizni v seti Internet [Privacy paradox: problems of ensuring privacy on the Internet]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2025, no. 1 (33), pp. 138–146. DOI: 10.21603/2542-1840-2025-9-1-138-146 (in Russian)

8. Krylov A.S. Pravo na neprikosnovennost chastnoy zhizni v pravovykh pozitsiyakh konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii [The right to privacy in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Glгол pravosudiya* [Verb of Justice], 2020, no. 2(24), pp. 57–60. (in Russian)

9. Mukhametgaleeva E.V. Pravo na neprikosnovennost chastnoy zhizni [The right to privacy]. *Aktualnye problemy prava, ekonomiki biznesa i upravleniya* [Current problems of law, economics, business and management]. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Irkutsk, April 3, 2023]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskiy institut ekonomiki i prava Publ., 2023, pp. 27–31. (in Russian)

10. Semenov E.Yu., Lysenko E.S., Grafutkin E.I. Regulirovanie obrabotki personalnykh dannykh v Rossii: yuridicheskie i tekhnicheskie aspekty [Regulation of personal data processing in Russia: legal and technical aspects]. *Nauchnyy vestnik OrYuI MVD Rossii im. V. V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov], 2023, no. 3 (96), pp. 69–77. (in Russian)

11. Telina Yu.S. Konstitutsionnoe pravo grazhdanina na neprikosnovennost' chastnoy zhizni, lichnyuyu i semeynuyu taynu pri obrabotke personal'nykh dannykh v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Constitutional right of a citizen to privacy, personal and family secrets in the processing of personal data in Russia and foreign countries]. Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 2016. 267 p. (in Russian)

12. Funtikova Yu.V. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie zashchity chastnoy zhizni [Constitutional and legal regulation of privacy protection]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 2020, no. 61–10, pp. 82–85. DOI: 10.18411/lj-05-2020-224 (in Russian)

13. Falletti E. Algoritmicheskaya diskriminatsiya i zashchita neprikosnovennosti chastnoy zhizni [Algorithmic discrimination and privacy protection]. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, no. 2. (in Russian). DOI: 10.21202/jdtl.2023.16

14. Khairullin T.V. Ponyatie i konstitutsionnaya sushchnost prava na neprikosnovennost chastnoy zhizni [Concept and constitutional essence of the right to privacy]. *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the International Law Institute], 2020, no. 1(72), pp. 59–69. (in Russian)

15. Chernyshenko I.G., Barkova A.V. Grazhdansko-pravovaya kvalifikatsiya personalnykh dannykh [Civil law qualification of personal data]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Research], 2024, no. 6, pp. 55–69. (in Russian)

16. Chetverikov A.O. Pravo na tsifrovuyu neprikosnovennost – novoe osnovnoe pravo cheloveka? Pro et contra [The right to digital privacy – a new fundamental human right? Pro et contra]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Research], 2024, no. 5, pp. 8–31. (in Russian)

17. Yakovleva A.G., Sorokina Yu.V. Pravo na neprikosnovennost chastnoy zhizni: yuridicheskaya kharakteristika [The right to privacy: legal characteristics]. *Sbornik nauchnykh statey. Materialy studencheskoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po itogam NIRS za 2022 god, Voronezh, 21 aprelya 2023 g.* [Collection of scientific articles. Materials of the student interuniversity scientific-practical conference on the results of research work for 2022, Voronezh, April 21, 2023]. Voronezh, Voronezhskiy filial RANKhiGS Publ., 2023, pp. 205–209. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 07.03.2026; одобрена после рецензирования 01.05.2026; принята к публикации 13.08.2026

Received on 07.03.2026; approved on 01.05.2026; accepted for publication on 13.08.2026

Воротилина Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Россия, 115054, г. Москва, Стремянный переулок, 36); ORCID: 0000-0002-3269-8576, РИНЦ Author ID: 291577, eLibrary SPIN: 9196-6703, e-mail: Vorotilina@mail.ru

Vorotilina Tatiana Viktorovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3269-8576, RSCI Author ID: 291577, eLibrary SPIN: 9196-6703, e-mail: Vorotilina@mail.ru

Газета Владислав Валерьевич – помощник юриста, ООО «Академэксперт» (Россия, 129626, г. Москва, просп. Мира, 102, стр. 34, офис 2/3); Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия, 125167, г. Москва, Ленинградский просп., 49/2), ORCID: 0009-0002-1790-3022, e-mail: vladdor0819@gmail.com

Gazeta Vladislav Valerievich – Paralegal, LLC "Academexpert" (office 2/3, 34 bldg., 102 Mir ave., Moscow, 129626, Russian Federation); Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2, Leningradsky ave., Moscow, 125167, Russian Federation), ORCID: 0009-0002-1790-3022, e-mail: vladdor0819@gmail.com

Вклад авторов

Воротилина Татьяна Викторовна – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), обработка материала, работа с нормативными актами и методическими материалами, редактирование статьи (внесение замечаний интеллектуального содержания), написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.

Газета Владислав Валерьевич – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, работа с нормативными актами и методическими материалами, написание текста (обсуждение результатов и выводы).